

РОССИЙСКАЯ АКАДЕМИЯ НАУК
ОТДЕЛЕНИЕ ИСТОРИИ РАН
НАУЧНЫЙ СОВЕТ ПО ПРОБЛЕМАМ АГРАРНОЙ ИСТОРИИ РАН
ИНСТИТУТ РОССИЙСКОЙ ИСТОРИИ РАН
МИНИСТЕРСТВО ОБРАЗОВАНИЯ РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ
ВОЛОГДСКИЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ ПЕДАГОГИЧЕСКИЙ УНИВЕРСИТЕТ

ЗАЖИТОЧНОЕ КРЕСТЬЯНСТВО РОССИИ В ИСТОРИЧЕСКОЙ РЕТРОСПЕКТИВЕ

Материалы XXVII сессии Симпозиума
по аграрной истории Восточной Европы

ВОЛОГДА
«РУСЬ»
2001

С. А. Есиков, В. В. Канищев

*Тамбовский государственный
технический университет,
Тамбовский государственный
университет им. Державина*

ЕСТЕСТВЕННЫЕ КРИТЕРИИ ОПРЕДЕЛЕНИЯ ЗАЖИТОЧНОСТИ КРЕСТЬЯНСТВА НА МЕЗО- И МИКРОСОЦИАЛЬНОМ УРОВНЯХ (Тамбовская губерния, 1860-е — 1920-е гг.)

Было бы научной бестактностью утверждать, что предыдущие поколения историков недостаточно изучали вопрос о критериях расслоения крестьянства. Общеизвестны выдающиеся достижения российских и советских историков, статистиков, экономистов в исследовании этого вопроса. В такой историографической ситуации можно говорить только о поиске новых, дополнительных подходов в изучении практически неисчерпаемой темы.

Одним из таких подходов является анализ дифференциации крестьянства и соответственно выделения зажиточных крестьян относительно естественных норм важнейших параметров крестьянского хозяйства. Это позволило бы преодолеть известную односторонность наших предшественников, связанную с тем, что они изучали расслоение крестьянства главным образом в определенных социально-политических и идеологических целях, доказывая либо высокую степень крестьянской дифференциации, либо, напротив, сохранение его значительной однородности. Существенное влияние естественных факторов на благосостояние крестьян как представителей традиционного сообщества историками учитывалось недостаточно. Экономисты-аграрники же разных направлений и школ придавали естественным критериям большое значение. В середине 20-х гг. в среде аграрников прошла дискуссия о дифференциации крестьянства. При этом рассматривался ход расслоения как в пореформенной, так и в послереволюционной деревне. Широко использовались и данные по тамбовскому крестьянству.

Одним из первых, кто ставил во главу угла социально-классовое расслоение деревни, был Л. Н. Крицман, выступивший с рядом публикаций, в которых предложил делить крестьянские хозяйства на три группы: предпринимательские — самостоятельные — зависимые¹. Эта упрощенная трехзвенная схема «кулак—середняк—бедняк» стала на многие годы официальной. Крицман был поддержан экономистами В. Г. Громаном, В. С. Немчиновым и др. Последний вывел количествен-

ный критерий названных групп — отношение предпринимательских и зависимых элементов к собственным в крестьянском хозяйстве².

В соответствии с разработками Крицмана и Немчинова в 1927 г. с целью определения степени дифференциации были обработаны данные 56 тыс. крестьянских хозяйств Центрального Черноземья. Преобладала группировка хозяйств по классовым типам. Согласно расчетам были выделены следующие группы: пролетариат и полупролетариат (33,34%); простые товаропроизводители (64,16%, включая 11,42% зажиточных) и мелкокапиталистические хозяйства (2,5%)³.

В ходе дискуссии сложилось и другое направление, представленное в основном сторонниками семейно-трудовой школы и примкнувшими к ней экономистами. Однозначного ответа на вопрос, в каком направлении идет расслоение, они не дали. Так, Н. Д. Кондратьев обращал внимание на факторы, способствовавшие дифференциации (рынок, техника, наем, аренда), и факторы, тормозившие ее (малоземелье, аграрное перенаселение). А. В. Чайнов подчеркивал разницу между эксплуататорским использованием наемного труда в целях наживы и работой крестьян по договору с хозяйствами, не имевшими кормильцев, нуждавшимися в дополнительной рабочей силе в период сезонных нагрузок. А. Н. Челинцев указывал, что в центрально-черноземных районах имела место нивелировка хозяйств⁴.

При всех различиях во взглядах для сторонников этого направления было характерным использование традиций земской статистики, поиск признаков производственно-демографической дифференциации в первую очередь по площади посевов, поголовью рабочего и продуктивного скота, числу душ в семье, количеству работников в хозяйстве, стоимости основного капитала и т. д. Этим объясняются многочисленные расчеты, основанные на самом разнообразном материале, необходимого количества земли на душу и на хозяйство, оптимального соотношения рабочего скота и земельной площади с учетом качества почвы.

Большинство исследователей склонялось к тому, что в центральных российских губерниях хозяйство для нормального функционирования должно было располагать 10—15 дес. земли. Расчеты для Тамбовской губернии, проводившиеся в начале XX в., были следующими: В. В. Винер — 12 дес. на хозяйство, Б. А. Васильчиков — 10 дес., П. А. Костычев — 12 дес., В. И. Орлов — 15 дес.⁵ В связи с низким достатком крестьян эту норму приходится считать началом зажиточного уровня. Расчеты показали, что при существовавшей системе хозяйства, количестве и качестве инвентаря оптимальным было соотношение: одна лошадь на 5 дес. Следовательно, в зажиточном хозяйстве должно было быть не менее 3-х лошадей.

Есть необходимость по-новому взглянуть на уровни агрегирования материала, который использовался историками при изучении расслоения крестьянства, в частности его зажиточных слоев. Для дореволюционных статистиков и экономистов было характерно преобладание микроанализа (уровни отдельных дворов, селений, волостей). В исследованиях советских аграрников преобладал мезоуровень (губерния, уезд), значительную роль играл и макроанализ (большие регионы, Россия в целом). Нами предлагается соединение мезо- и микроисторических подходов в изучении вопроса (уровни губерния — уезд — волость — селение — двор), использование которых позволяет постепенно восходить от абстрактных к самым конкретным показателям определения зажиточности крестьянства.

Тамбовская губерния как объект для применения таких подходов интересна тем, что находилась в лесостепной зоне, на границе черноземных и нечерноземных регионов. Экономисты и агрономы конца XIX — начала XX в., как правило, выделяли три района в губернии: северный (Елатомский, Шацкий, Темниковский, Спасский уезды), с преимущественно слабоподзолистыми почвами, выщелоченным черноземом и большими лесными массивами; лесостепной (Моршанский, Козловский, Лебедянский и Липецкий уезды) с мощным черноземом; степной (Тамбовский, Усманский, Кирсановский и Борисоглебский уезды) черноземный район. По некоторым показателям эти районы отличались друг от друга, особенно северный, что, несомненно, сказывалось и на крестьянском хозяйстве. Хотя отдельные административно-территориальные уровни губернии имели разные естественные условия, определявшие зажиточность крестьянских хозяйств, в целом естественные критерии зажиточности хозяйств были близки к приведенным выше общероссийским, и в этом смысле Тамбовская губерния была типичной.

Перспективным представляется расширение устоявшихся временных рамок изучения процесса дифференциации крестьянства. Большинство историков раздельно изучали эти процессы применительно ко второй половине XIX — началу XX в. и к концу 1910-х — 1920-м гг., т. е. послереволюционному периоду. Но, учитывая, что период 1860-х — 1920-х гг. в целом был временем наибольшей относительной самостоятельности крестьян от государственного, частновладельческого и общинного вмешательства в их хозяйственную жизнь (за исключением 2-3-х лет военно-коммунистических притеснений) за всю историю российского крестьянства, было бы интересно проследить, как происходило расслоение крестьян в условиях этой самостоятельности. Поскольку на протяжении всего этого времени крестьяне оставались традицион-

ным социумом, естественные условия их хозяйствования могли играть очень существенную роль в выделении зажиточных слоев.

Если рассматривать обеспеченность земель на уездном уровне, то получается следующая картина: в семи из 12-ти уездов средний душевой надел был ниже среднегубернского, что говорит о весьма ограниченных условиях выделения в крестьянстве зажиточной части. Учитывая, что в последующие десятилетия средний душевой надел в этих уездах сокращался, можно говорить и о снижении возможностей для большинства крестьян этих уездов пробиться в зажиточные слои.

На уровне отдельных волостей, выбранных нами в разных частях губернии и отличных по социально-экономическим типам, обеспеченность земель существенно отличалась от уездных цифр — колебания от 1,6 до 5,5 дес. Наибольшие земельные наделы были у бывших государственных крестьян, наименьшие — в Рассказовской волости Тамбовского уезда, самой развитой в губернии в торгово-промышленном отношении.

На уровне отдельных селений разброс в цифрах средних наделов еще больший — в среднем от 1 до 5. Опять наименьшие и наибольшие показатели в тех же волостях. Даже в обществах одних и тех же селений средние наделы очень разные.

Наиболее интересно выявление путей достижения зажиточного состояния на уровне отдельных хозяйств. Очевидно преимущество крупных семей с большой долей взрослых мужчин. Одни семьи держались только на личном труде членов составных семей, в других немалое число собственных работников дополнялось наемным трудом, а также богатым инвентарем, третьи приобретали дополнительно землю или укрепляли в частную собственность наделенную землю, у четвертых дополнительным источником высокого благополучия были торгово-промышленные заведения.

Таким образом, переход от более высокого уровня (губерния) к более низкому (хозяйство) позволяет точнее выявить степень зажиточности крестьянства на основе естественных критериев.

Конечно, только изучение конкретных дворов (домохозяйств) позволяет выявить реальных зажиточных крестьян, как и реальных представителей других социальных групп крестьянства. Но следует учитывать, что в условиях сохранения общины и сильных традиций кровного родства возможно экономическое подтягивание формально средних домохозяйств на более зажиточный уровень очень богатыми односельчанами и родственниками. Поэтому важно определение зажиточности не только отдельных крестьянских дворов, но и отдельных кланов, обществ, населенных пунктов (в Тамбовской губернии при высокой людности сель-

ских поселений во многих из них существовало несколько общин) и волостей. Хорошо известно бытование в крестьянской среде понятий «богатое село», «богатая родня» и т. п. При этом богатая родня это не обязательно односельчане, но жители соседних сел волости, с которыми шел традиционный обмен невестами и существовали родственные связи десятков, а иногда и сотен крестьянских дворов.

Накануне отмены крепостного права тамбовские крестьяне в среднем имели земельные наделы, близкие к естественной норме зажиточности, в 5 десятин на душу. Даже у помещичьих крестьян, получивших по реформе наделы в 3—3,5 дес., при отрезках до 30% средние дореформенные наделы превышали 4 десятины. Государственные крестьяне (58% крестьянского населения) в среднем имели гораздо более естественно нормального душевого надела, и большинство их сел и волостей по этому показателю можно отнести к зажиточным.

Однако нужно учитывать и то, что уже в середине XIX в. в крестьянской среде имелась заметная дифференциация на уровне отдельных дворов, без учета которой невозможно говорить об уровне зажиточности конкретных домохозяйств.

Так, в одном из имений князей Гагариных в предреформенный период имелось несколько дворов с земельными наделами свыше 30 десятин при наличии дворохозяйств с несколькими десятинами земли.

Владенная запись общества государственных четвертных крестьян (эта категория была наиболее зажиточной в тамбовской деревне) с Калугино Кирсановского уезда за 1868 г. дает средний показатель дворового надела в 17 дес. Но при этом только половина дворов имела наделы более 15 дес., т. е. была зажиточна по земле. Весьма интересно специальное выделение в записи земельных владений рода Юмашевых, 4 хозяйства которых имели около 200 дес. земли (от 40 до 70 дес. на двор). Тем самым мы видим в селе не только существование, но и официальное признание особого положения наиболее зажиточного клана.

Таже высокой была обеспеченность тамбовских крестьян предреформенных лет лошадьми. Это было естественно для региона со значительными степными пространствами и кочевым прошлым существенной части населения. Исследование известным тамбовским статистиком прошлого века Н. Н. Романовым с. Каменка, которое и по нынешним меркам можно считать прекрасным образцом микроисторического анализа, показало, что в 1850-е гг. в этом помещичьем селе каждый третий крестьянский двор имел более трех лошадей. Причем исследователь убедительно доказывал типичность Каменки как владельческого села степной зоны Тамбовской губернии.

Близкими к оптимальной естественной норме были и размеры крестьянских дворов по численности их членов. Данные последней ревизии 1858 г. показывают, что в большинстве помещичьих сел они составляли в среднем 7-8 чел., в государственных — более 8 чел. При этом нужно учитывать, что такие показатели являются грубо среднеарифметическими. Анализ ревизских сказок показывает, что формально существовало немало дворов (в некоторых селах десятки), населенных только малолетними детьми или стариками, которые реально не могли вести самостоятельное хозяйство. Так что реальный размер, так сказать, действующего домохозяйства был несколько выше среднеревизского. Учитывать нужно и существенный разброс показателя количества членов крестьянских дворов. В селах государственных крестьян середины XIX в. нередкими были ревизские семьи в несколько десятков человек (порой до 15% от всех семей села). Конечно, в реальной жизни такие формальные семьи могли вести раздельное хозяйство. Но вряд ли они полностью прекращали сотрудничество между собой. Интересные выводы дает анализ исповедальных ведомостей середины XIX в. Он показывает, что на исповедь, как правило, являлись вместе группы кровных родственников, включавшие несколько ревизских дворов. Наверняка можно говорить о существовании между ними прочных житейских связей.

В силу естественных причин, от которых существенно зависело крестьянство традиционного общества, зажиточность не могла быть устойчивой для отдельных дворов. В Тамбовской губернии пореформенного периода главным фактором геоэкологического характера стало практически полное вовлечение в хозяйственный оборот всех природных угодий и существенное перераспределение их структуры. Предельно широкая распашка земли и начало заметных эрозийных процессов, сокращение пастбищ и сенокосов, чрезмерная порубка лесов, нехватка водных ресурсов позволяют говорить об экологическом кризисе в губернии, который обычно является составной частью общего кризиса перенаселенных аграрных сообществ.

В таких условиях средние естественные показатели зажиточности крестьян падали. Нет смысла приводить хорошо известные данные о снижении земельных наделов и особенно обеспеченности тамбовских крестьян скотом. Скажем только, что к 1917 г. уже невозможно говорить о существовании в губернии зажиточных сел и волостей.

Зажиточность крестьян второй половины XIX — начала XX в. можно изучать только на уровне отдельных домохозяйств и родственных кланов. Анализ имеющихся первичных материалов показывает, что к 1910-м годам в крупных тамбовских селах в несколько сот дворов только единичные дворы имели десятки и сотни десятин земли, несколько

десятков домохозяйств — более 15 десятин. Примерно такая же картина наблюдалась и с показателем обеспеченности дворов тремя и более лошадьми.

Единственным важнейшим естественным показателем зажиточности крестьянских хозяйств, оставшимся сравнительно высоким, была населенность крестьянского двора. Она на протяжении 1880-х — 1910-х гг. почти не менялась, находясь на среднем уровне в 6,5—6,7 чел. Анализ первичных материалов явно показывает, что наиболее зажиточными были дворы с 10 и более жителями при высокой доле мужчин трудового возраста. Это явление, связанное с большими возможностями крупных по населенности домохозяйств маневрировать своими трудовыми и другими ресурсами, хорошо изучено историками-аграрниками конца XIX и начала XX столетия, а также в исследованиях крестьянских бюджетов И. Д. Ковальченко и его учеников.

Но меньше обращается внимание на то, что стремление крестьян к увеличению своего благосостояния путем традиционного расширенного демографического воспроизводства вело к нарушению нормального соотношения едоков и работников. По Чаюнову, нормальным для губерний типа Тамбовской должно было быть соотношение примерно 1,8. В 1917 г., по данным сельскохозяйственной переписи, оно во всех уездах было выше, а в большинстве превышало двукратное преобладание едоков над работниками.

Первичные материалы показывают, что наиболее устойчивыми в смысле зажиточности оставались кланы родственных крестьянских дворов. Факты, выявленные в результате изучения окладных книг, свидетельствуют о неформальном разделе волостной частной земельной собственности между представителями нескольких фамилий. На протяжении десятков лет их присутствие на земельном рынке оставалось практически неизменным. В большинстве случаев совокупная собственность одной фамилии и число принадлежавших ей владельцев постепенно увеличивались.

Следующей характерной чертой фамильно-клановых общностей было постоянное укрупнение средних участков. К 1917 г. отдельные представители этих фамилий округлили свои имения до нескольких сотен десятин. Особенно это было характерно для волостей, населенных государственными и четвертными крестьянами. Из среды четвертных крестьян выходило наибольшее число фамильных групп землевладельцев. Примером такой группы является фамилия Желтовых из Рассказовской волости Тамбовского уезда: в разное время представители этой фамилии контролировали от 40 до 70% частной крестьянской собственности Рассказовской волости.

Так, естественная кооперация земельной собственности и трудовых ресурсов при отсутствии заметной интенсификации сельскохозяйственного труда оставалась единственной возможностью поддержания зажиточности отдельных крестьянских дворов.

Столыпинская реформа использовала некоторый организационный ресурс перераспределения земли и привела к большей зажиточности хуторов. Анализ материалов сельскохозяйственной переписи 1917 г. показал, что наделение хуторян землей, размер их семей, соотношение едоков и работников были в среднем выгоднее, чем у оставшихся в общинах крестьян. Но хутора включали в себя по несколько сот хозяйств на уезд, а наделные дворы исчислялись десятками тысяч. Анализ подворных карточек 1917 г. на отдельные хуторские хозяйства показывает, что в масштабах сел, к которым они оставались приписанными, по настоящему зажиточными были только единицы таких хозяйств, а десятки едва превосходили нижние нормы зажиточности по земле и скоту.

Крупные дворы легче переживали критические периоды. В частности, интересны материалы по оказанию помощи отдельным дворам в неурожайные годы. В большом бывшем государственном с. М. Пупки после недорода 1905 г. в 1906 г. составлена опись нуждающихся и хлебных запасов дворов. Среди тех, кому, по мнению общества, помощь не требовалась, явно преобладали (ок. 70%) дворы с численностью 10 и более человек.

Но и зажиточные дворы не могли сохранить свой статус в период потрясений 1917—1920 гг. По сельскохозяйственной переписи сентября 1920 г. мы не нашли в М. Пупках ни одного зажиточного хозяйства по земле и тем более по скоту, хотя многие из них не делились в период революции.

Нам представляется, что дело было не только в изъятии государством у крестьян продовольственных ресурсов, но и в политике выравнивания земельных наделов, перераспределении частной собственности в пользу общины, проводившейся самими крестьянами.

В 1920-е гг. в условиях нэпа сохранялись некоторые возможности расслоения крестьянских хозяйств по естественным показателям, но эти возможности ограничивались исчерпанностью земельного фонда губернии и новым демографическим подъемом, с одной стороны. С другой стороны, выделение зажиточных хозяйств сдерживалось классовой налоговой, заготовительной, земельной и т. д. политикой государства.

Важной естественной возможностью поддержать уровень зажиточности была добровольная, родственная и соседская кооперация трудовых и материальных ресурсов, которая получила широкое распространение в Тамбовской губернии. Но, поскольку государство провело

кооперацию по своим колхозным принципам, естественная крестьянская кооперация оказалась нереализованной. Следует, конечно, оговориться, что дело было не только в политическом факторе, но и в том, что в перенаселенных сельских сообществах поддержание зажиточности естественным путем было нереально в силу исторического кризиса аграрного общества.

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ См.: Крицман Л. Н. К вопросу о классовом расслоении современной деревни // На аграрном фронте. 1925. № 7—8. С. 11—17; Крицман Л. Н. Классовое расслоение современной деревни. М., 1926.

² Немчинов В. С. О статистическом изучении классового расслоения деревни // Немчинов В. С. Избранные произведения. Т. 1. М., 1967. С. 44—62.

³ Хозяйство ЦЧО. 1929. № 2. С. 17

⁴ См.: Кондратьев Н. Д. К вопросу о дифференциации деревни // Кондратьев Н. Д. Избранные сочинения. М., 1993. С. 414—435; Чаянов А. В. О дифференциации крестьянского хозяйства // Крестьянское хозяйство. М., 1989. С. 144—159; Челинцев А. Н. К вопросу о дифференциации крестьянского хозяйства // Пути сельского хозяйства. 1927. № 4. С. 114—132.

⁵ См.: Вопросы истории. 1997. № 6. С. 58.

Л. В. Данилова

СЕЛЬСКАЯ ВЕРХУШКА В СРЕДНЕВЕКОВОЙ РУСИ

Проблема зажиточного крестьянства для разных ступеней общественного развития стоит принципиально по-разному. Имущественная дифференциация свободных общинников происходит уже в период, переходный от родо-племенного строя к сословно-классовому. Зажиточные семьи, а равно и бедные, малоимущие выделялись на протяжении всего времени существования крестьянства как общественного слоя. Однако их место и роль в жизни мирской организации и в целостном социальном организме были неоднозначными. Доля зажиточных семей в общей массе крестьянства, а главное — источники и масштабы накопления, хозяйственная устойчивость, поколенная преемственность, возможность выхода в иные социальные слои, взаимоотношения с менее удачливыми соседями, восприятие таких семей другими крестьянами и властью (государственной, вотчинной) — все эти параметры существенно менялись в ходе исторического развития.

Особенно различны ситуации для стадии господства традиционной аграрной экономики, с одной стороны, и для периода буржуазно-капиталистической трансформации общества — с другой. При первой ситуа-